

Macedonia inermis: **Некоторые тенденции в изображениях на македонских рельефных надгробиях после римского завоевания (середина II – I вв. до н. э.)**

Юрий Кузьмин
Государственный музей заповедник «Фанагория»
yurimac@yandex.ru

Данная работа обязана появлением ряда обстоятельств, начиная с интереса автора к военной организации древней Македонии, македонской военной археологии и иконографии, а также к последствиям ликвидации римлянами Македонского государства. Однако непосредственное обращение к тематике влияния римского завоевания на изображения на македонских рельефных надгробиях было связано с критикой интерпретации и датировки обнаруженного недавно вблизи холма Каста в районе Амфиполя рельефа с изображением «воина» (см. далее). И наконец, к оформлению сюжета под рабочим названием *Macedonia inermis* – которое в итоге стало окончательным – привели наблюдения, сделанные летом 2016 г. в археологических музеях на севере Греции (в Салониках, Верии, Вергине, Дионе, Пелле и Амфиполе)¹.

В том же году была опубликована монография греческой исследовательницы М. Калаидзи о македонских рельефных надгробиях². В ней имеется схожая с представленной в настоящей статье оценка влияния римского завоевания Македонии на уменьшение числа изображений вооруженных людей на надгробиях, но она дана конспективно, без рассмотрения исторического контекста.

Все это делает актуальным обращение к заявленному сюжету в хоть и небольшой по объему, но специальной работе. Необходимо оговорить то, что в ней представлен взгляд историка, а не искусствоведа или археолога.

¹ Я хочу поблагодарить Т.П. Кишбали и Н.А. Налимову за приглашение на конференцию «Македония – Рим – Византия: искусство Северной Греции от античности до средних веков» и содействие в работе над статьей. Также я выражаю признательность Д.П. Алексинскому и И.Н. Тюряхину. Никто из них, конечно же, не несет ответственности за представленные выводы.

² Kalaitzi 2016.

Общество древней Македонии в период ее независимости было сильно милитаризованным, что нашло отражение и в изобразительном искусстве. Воины, оружие и доспехи, а также батальные сцены изображались на надгробных памятниках, фасадах гробниц, на монетах и т. д.

На надгробиях изображения воинов появляются задолго до того, как Македония стала балканской сверхдержавой при Филиппе II (359–336 гг. до н. э.) и империей при Александре Великом (336–323 гг. до н. э.). Последними десятилетиями V в. до н. э. датированы памятники с рельефными изображениями воинов из Вергины – древних Эг, первой резиденции царей из династии Аргеадов-Теменидов, а также из Пеллы, позднее ставшей столицей Македонского царства³.

С IV в. до н. э. главный персонаж (усопший) нередко изображается вместе со слугой/оруженосцем⁴. В качестве примера можно привести относящееся к этому столетию надгробие Аминты, сына Стратона, найденное в районе Верии – античной Берои⁵.

Подобная композиция получила развитие на македонских надгробиях в эпоху эллинизма. Обычно это были погребальные стелы аристократов, служивших в коннице (они могли быть показаны как верхом, так и спешившимися). Среди них был Аминта, сын Александра, надгробие которого, происходящее с северных рубежей Македонского царства, датируется началом II в. до н. э. (илл. 1)⁶.

Значительный интерес представляет рельеф с изображением юноши в шлеме и со щитом, держащего коня, найденный несколько лет назад вблизи от холма Каста (илл. 2). Вопреки мнению А. Корсо и М. Лефандзиса⁷, искусствоведа и архитектора из команды, работающей при раскопках монументального комплекса холма Каста, данный рельеф не может быть датирован раннеэллинистическим периодом, и на нем не показан Александр Великий. Типы щита и шлема, наряду с изображением дерева и змеи за фигурой человека (а это образы, не характерные для надгробий времени Александра и начала

³ Kalaitzi 2016, 181 (Эги), 195–196 (Пелла; впрочем, место происхождения является предположительным).

⁴ Ср. Kalaitzi 2016, 34, 36.

⁵ Kalaitzi 2016, 46.

⁶ Juhel 2010, 106–111.

⁷ Corso 2015, 201–204. См. также работу А. Корсо в настоящем издании.

эпохи эллинизма⁸), позволяют поместить этот памятник в достаточно узкий отрезок в несколько десятилетий: примерно с конца III в. до н. э. и до ликвидации римлянами Македонского царства тридцать с небольшим лет спустя. Размер щита в сравнении с пропорциями тела юноши, а также сопоставление композиции рельефа с некоторыми другими памятниками⁹, однозначно свидетельствуют, что этот человек был лишь слугой/оруженосцем, в то время как главный персонаж должен был стоять перед ним в утраченной части памятника¹⁰.

Рельеф из района холма Каста интересен и тем, что он, вероятно, демонстрирует развитие одного из типов македонских надгробных памятников, начавшееся до римского завоевания. Очевидно, что этот рельеф являлся частью монумента, включавшего фриз из нескольких плит. Подобный тип памятников получил распространение в Македонии римского времени (см. далее).

В 215 г. до н. э. начались войны Македонии с Римом, пришедшие на правления двух последних царей из династии Антигонидов Филиппа V (221–179 гг. до н. э.) и его сына Персея (179–168 гг. до н. э.). В рамках данной работы не место обсуждать причины и ход римско-македонского противостояния, ставшего в итоге фатальным для царства Антигонидов. Первая война (215–205 гг. до н. э.) завершилась, не принеся решающего перевеса ни одной из сторон; вторая (200–197 гг. до н. э.) закончилась победой Рима (после поражения Филиппа V при Киноскефалах в 197 г. до н. э. Македония утратила внешние владения и статус великой державы); итогом третьей войны (171–168 гг. до н. э.) стал разгром армии Персея в битве при Пидне в 168 г. до н. э. и упразднение римлянами монархии Антигонидов. В 149–148 гг. до н. э. Македонию попытался захватить некий Андриск, объявивший себя Филиппом, сыном Персея. После первых успехов Андриск был разбит римлянами и их союзниками. Вслед за этим начался многовековой период истории Македонии в качестве римской провинции.

⁸ Ср. Bieber 1961, 152; Smith 1991, 189–190; Kalaitzi 2016, 62–63.

⁹ Примеры композиции «главный персонаж и слуга с его оружием и доспехами»: Natzopoulos 2001, pl. IIIa (посвятительный рельеф III – начала II в. до н. э. из Амфиполя); ср. Sekunda 1994, 191, fig. 216 (аттический надгробный лекиф начала IV в. до н. э.).

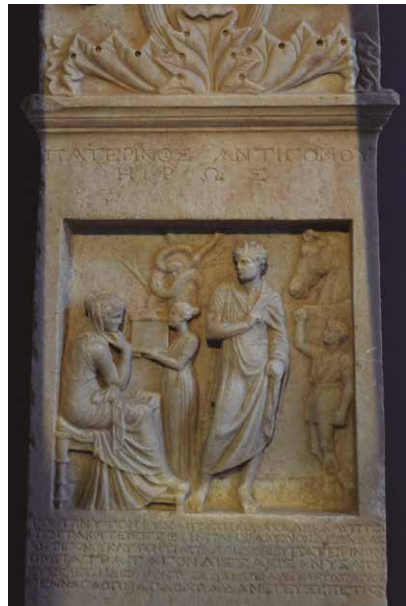
¹⁰ Kuzmin 2016, 79–90.

Илл. 1. Верхняя часть надгробия Аминты, сына Александра (начало II в. до н.э.). Музей в Охриде. Фото: П. Жюэль

Илл. 2. Рельеф из района холма Каста (конец III – первые десятилетия II вв. до н.э.). По Corso 2015, 194, fig. 2

Илл. 3. Центральная часть надгробия Патерина, сына Антигона (вторая половина II – I вв. до н.э.). Верия, археологический музей. Фото автора

Илл. 4. Погребальный монумент Дионисофонта, сына Гиппострата (середина I в. до н.э.). Салоники, археологический музей. Фото автора

Илл. 5. Надгробие вольноотпущенника Луция Корнелия Неона (середина I в. до н.э.). Салоники, археологический музей. Фото автора

Илл. 6. Надгробие семьи римских вольноотпущенников (середина I в. до н.э.). Салоники, археологический музей. Фото автора

Однако в историческом контексте наиболее важное значение имели последствия Третьей Македонской войны (171–168 гг. до н. э.), положившей конец подлинной независимости Македонии. После битвы при Пидне (июнь 168 г. до н. э.) в течение короткого времени македонские города открыли ворота римлянам, ближайшие приближенные Персея сдались, что вскоре сделал и сам царь, пытавшийся безуспешно найти убежище на Самофракии.

Весной 167 г. до н. э. победитель Персея консул Луций Эмилий Павел объявил о новом устройстве Македонии: была упразднена монархия, единое государство было разделено на четыре части («республики») и т. д. (Liv. XLV.29.1–14; ср. Diod. XXXI.8.8–9)¹¹. Военно-политическая элита подлежала депортации в Италию¹². Целью данной акции было устранение из Македонии людей, являвшихся опорой династии Антигонидов¹³. Нет никаких оснований считать, что кто-то из македонян впоследствии вернулся на родину¹⁴, как, например, некоторые из греков, которых римляне отправили в Италию в том же 167 г. до н. э. (самым известным из них был

¹¹ См. подробнее, например: Meloni 1953, 409–431; Hammond, Walbank 1988, 563–569.

¹² «... Назвали виднейших македонян, которых консул поведет перед собою в Италию вместе с их детьми, которым минуло уже пятнадцать лет. Это показалось на первый взгляд жестоким, но скоро македоняне поняли – все делается ради их же свободы: ведь дело шло о царских друзьях и придворных, о полководцах, о флотских и гарнизонных начальниках... Итак, всем занимавшим должности при царе, даже бывшим послам, велено было оставить Македонию и отправляться в Италию – карой заслушание была объявлена смерть» (Liv. XLV.32.3–6. Пер. О.Л. Левинской). В пятнадцать лет македонские юноши включались в списки граждан в своих родных городах и становились военно-обязанными, как об этом свидетельствуют эпиграфические источники времени поздних Антигонидов (Natzopoulos 2001, 99–102, 123–124). Неизвестно, что стало с супругами, сыновьями младше пятнадцати лет и дочерьми депортированных людей. Видимо, они остались в Македонии, увозить их в Италию для римлян не имело смысла.

¹³ См. подробнее: Kuzmin 2011, 119–130.

¹⁴ Последствия депортации хорошо видны на примере нескольких семей из г. Бероя (см. подробнее: Kuzmin 2013b, 66–101). В римское время здесь исчез ряд семейных имен, засвидетельствованных для аристократов эллинистического периода, связанных с царским двором Антигонидов (ср. Tataki 1988, 423, 435). Единственным известным исключением является семья т. н. Гарпалов-Полемеев, представители которой фиксируются с III в. до н. э. по I в. до н. э. (или даже I в. н. э.) (см. Kuzmin 2013a, 123–132; Kuzmin 2013b, 66–76).

Полибий – политический деятель Ахейского союза, ставший выдающимся историком)¹⁵.

Военно-политическая элита времени Антигонидов, включая т.н. *φίλοι* («друзей») – ближнее окружение царей, формировалась на основе представителей локальных элит македонских городов¹⁶. После ликвидации монархии, депортации сподвижников Персея в Италию, а затем и создания провинции Македония, в ней сохранилась лишь городская элита. Постепенно на ее основе началось формирование лояльной римлянам провинциальной элиты, для которой военная функция более не являлась актуальной.

Македонская военная организация, принадлежность к которой была предметом гордости как аристократов, так и простых македонян, сражавшихся пешими в фаланге (что наглядно выражалось в частом изображении усопших на надгробиях именно в качестве воинов), канула в лету после катастрофы при Пидне и упразднения монархии.

Согласно решению римлян, лишь три из четырех македонских государств, созданных в 167 г. до н. э. (соседями которых были варварские племена), могли иметь отряды для защиты границ (Liv. XLV.29.14; ср. Diod. XXXI.8.9). Впоследствии македоняне привлекались римлянами во вспомогательные части при отражении нападений на провинцию варваров (скордисков и др.), в ходе Первой Митридатовой войны (89–85 гг. до н. э.), во время гражданских войн и т. д., но в целом их роль не была значительной¹⁷.

С ликвидацией римлянами монархии Антигонидов и депортацией в Италию царской семьи и военно-политической элиты совпадает прекращение строительства гробниц т. н. македонского типа – монументальных подземных сводчатых усыпальниц царей и аристократии (начало развития этой формы элитной погребальной архитектуры относится примерно ко времени Филиппа II)¹⁸.

¹⁵ Deininger 1971, 191–214.

¹⁶ См. подробнее по поводу македонской городской аристократии и формирования придворной элиты: Paschidis 2006, 251–267.

¹⁷ О македонских отрядах в римских армиях см. Sarikakis 1977, 431–464.

¹⁸ О гробницах «македонского типа», их конструктивных особенностях и хронологии развития см., например: von Mangoldt 2012. Следует отметить, что ряд гробниц, построенных до ликвидации монархии Антигонидов, использовался и некоторое время позднее, но новые не строились (самый известный пример это т. н. Гробница Лисона и Калликла, семейная усыпальница, возведенная на рубеже III–II вв. до н. э., в которой были похоронены четыре поколения знатной семьи из Миезы).

Также исчезают величественные памятники, маркировавшие погребения гетайров и царских «друзей». В качестве примера можно привести монумент, построенный, видимо, в конце IV в. до н. э., части которого недавно были открыты на северном некрополе Пидны¹⁹.

Далее на примере рельефных надгробий будут представлены наблюдения о том, что крушение монархии отразилось и на македонском изобразительном искусстве.

После упразднения римлянами монархии Антигонидов, а затем и начала интеграции Македонии в римскую провинциальную систему вслед за разгромом Андриска (середина II в. до н. э.) в изображениях на македонских рельефных надгробиях примерно еще полтора столетия сохранялись традиции (в сюжетах, композиции и т. д.), характерные для эллинистического периода²⁰. Однако постепенно в иконографии проявляются и римские элементы: в одежде, прическах и т. д.

Новые веяния в широком смысле – в формах надгробий, также в изображениях на них – прослеживаются примерно со времени принципата Августа (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.), а более явно еще позднее, со II в. н. э.²¹ В Македонии появляются надгробия-медальоны, надгробия-алтари и т. д.

На памятниках первых веков н. э. присутствуют и изображения воинов – например, римских магистратов и ветеранов, живших в колониях на территории провинции Македония²², но эти надгробия относятся главным образом уже к иной артистической традиции в сравнении с искусством эллинистического периода.

Примером сохранения традиций эллинистической эпохи до времени Августа может служить сюжет «главный персонаж и слуга». Однако если при Антигонидях, а также ранее, усопший часто изображался как воин (пеший или конный), а слуга нередко являлся оруженосцем, то после упразднения македонской монархии главный персонаж и слуга обычно уже не имеют оружия и доспехов (исключения единичны).

¹⁹ Предварительное описание: Palagia 2015, 106–107.

²⁰ Ср. Kousser 2010, 532; Stefanidou-Tiveriou 2011, 563–566; Kalaitzi 2016, 3, 82.

²¹ См., например: Stefanidou-Tiveriou 2011, 567–568; Adam Veleni 2013, 765–766; Kalaitzi 2016, 3.

²² Например: Pandermalis 1997, 83 (надгробие II в. н. э. из музея в Дионе).

В новых реалиях главный персонаж нередко представлен вместе с семьей, хотя подобный сюжет был характерен и для македонских надгробий доримского времени²³. Также сохраняются и получают распространение такие элементы композиции, обычные для надгробий в эллинистическом мире (не только в Македонии), как изображение дерева со змеей, а иногда и коня, или его протомы (все эти атрибуты указывают на героизацию усопшего)²⁴.

Сюжет «главный персонаж и слуга» присутствует на большом числе надгробий, относящихся к первым полутора столетиям после римского завоевания Македонии, принадлежавших людям разного происхождения и статуса – от граждан македонских городов до римских вольноотпущенников. В качестве примеров можно привести великолепную надгробную стелу Патерина, сына Антигона из Берои (илл. 3), погребальный монумент Дионисофонта, сына Гиппострата из Леты (илл. 4), а также надгробие вольноотпущенника Луция Корнелия Неона из Фессалоники (илл. 5).

Монумент Дионисофонта, происходящий из Леты, города вблизи от Фессалоники, интересен тем, что является составным²⁵. Несмотря на мнение о загадочности появления в Македонии римского времени надгробных монументов с составными рельефами, следует принять точку зрения, что они продолжали традицию эллинистической эпохи²⁶. В пользу этого свидетельствует упомянутый выше рельеф времени поздних Антигонидов из района холма Каста.

К исключениям из отмеченной тенденции отсутствия вооружения относится монументальное надгробие середины I в. до н. э. из Фессалоники, принадлежавшее семье римских вольноотпущенни-

²³ Среди многочисленных примеров можно упомянуть стелу из Большого кургана в Вергине, датируемую временем ок. середины IV в. до н. э., на которой показана семья (муж, жена и дочь), но мужчина при этом держит меч (Kalaitzi 2016, 34, 184–185).

²⁴ Широкая посмертная героизация в Македонии эллинистического и римского времени, засвидетельствованная надписями на надгробиях и изображениями на них, могла быть следствием распространения орфических и дионисийских верований. О героизации см. также: Kalaitzi 2016, 102–113.

²⁵ Над памятником Дионисофонта работал Эвандр, сын Эвандра из Берои (о нем см. Tataki 1988, 154). Во II–I вв. до н. э., а возможно и ранее, в Берое функционировала скульптурная мастерская, продукция которой известна благодаря находкам и в других местах в Македонии, а также за ее пределами (Kalaitzi 2016, 58, 66–72).

²⁶ Например: Stefanidou-Tiveriou 2011, 566; Kalaitzi 2016, 74–75.

ков (илл. 6). На нем, помимо четырех главных персонажей (двух женщин и двух мужчин), показаны фигуры служанок и слуг, один из которых изображен со щитом. Однако следует отметить, что он держит круглый кавалерийский щит-*parma*, распространенный в Италии и использовавшийся римскими всадниками²⁷. Это обстоятельство, очевидно, не случайно²⁸, так как памятник относится ко времени гражданских войн в Римской республике, серьезно затронувших в 40-х гг. I в. до н. э. и провинцию Македония.

Можно отметить, что на данном надгробии при сохранении традиций эллинистического периода (в том числе и в связи с изображением протомы коня за фигурой слуги со щитом) проявляются и новые тенденции в общей композиции, а именно широкое изобразительное поле и увеличившееся расстояние между фигурами главных персонажей.

После римского завоевания и до оформления в течение I–II вв. н. э. новых тенденций в изобразительном искусстве в провинции Македония изображения вооруженных людей и оружия вообще становятся крайне редкими. Несомненно, что это было одним из следствий ломки римлянами прежней общественно-политической структуры Македонского государства, а также депортации придворной элиты, служившей династии Антигонидов, в Италию в 167 г. до н. э.²⁹ Отмеченные тенденции в развитии изобразительного искусства в провинции Македония отражают угасание аристократических и военных традиций македонского общества после римского завоевания.

Список литературы

Adam Veleni, P. 2013: Grave Stelae and Plaques in the Archaeological Museum of Thessaloniki. An Initial Typological and Iconographic Approach. In: N. Cambi, G. Koch (eds.), *Sepulkralna skulptura zapadnog Ilirika i susjednih oblasti u doba Rimskog Carstva* [Funerary Sculpture of the Western Illyricum and Neighbouring Regions of the Roman Empire]. Split, 763–794.

²⁷ При Антигонидях македонские всадники использовали большие круглые щиты другого типа – с ребром жесткости (*spina*), которые показаны на ряде памятников (см. илл. 1–2); ср. Hatzopoulos 2001, 52–54; Kuzmin 2016, 80–81.

²⁸ Ср. Kalaitzi 2016, 113–114.

²⁹ Ср. Kalaitzi 2016, 81–82, 108, 117–118; Kuzmin 2016, 81, n. 15.

- Bieber, M. 1961: *The Sculpture of the Hellenistic Age*. New York.
- Corso, A. 2015: The Sculptures of the Tumulus Kašta near Amphipolis. *Journal of Intercultural and Interdisciplinary Archaeology* 2, 192–222.
- Deininger, J. 1971: *Der politische Widerstand gegen Rom in Griechenland, 217–86 v. Chr.* Berlin; New York.
- Hammond, N.G.L., Walbank, F.W. 1988: *A History of Macedonia*. Vol. III. 336–167 B.C. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux*. Athens.
- Juhel, P. 2010: La stèle funéraire d'Amyntas, fils d'Alexandre, cavalier des confins macédoniens. *Acta archaeologica* 81/1, 106–111.
- Kalaitzi, M. 2016: *Figured Tombstones from Macedonia, Fifth–First Centuries BC*. Oxford.
- Kousser, R. 2010: Hellenistic and Roman Art, 221 BC–AD 337. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*, Malden, Mass., 521–542.
- Kuzmin, Yu.N. 2011: Macedonia capta: deportatsiya makedonskoy voenno-politicheskoy elity v Italiyu v 167 g. do n.e. [Macedonia capta: the Deportation of the Macedonian Military and Political Elite to Italy in 167 BC]. *Studia historica* 11. Moscow, 119–130.
- Кузьмин, Ю.Н. Macedonia capta: депортация македонской военно-политической элиты в Италию в 167 г. до н. э. *Studia historica* 11. Москва, 119–130.
- Kuzmin, Yu.N. 2013a: The Macedonian Aristocratic Family of Harpaloi-Polemaioi from Beroea. In: A. Mehl, A.V. Makhlayuk, O. Gabelko (eds.), *Ruthenia Classica Aetatis Novae. A Collection of Works by Russian Scholars in Ancient Greek and Roman History*. Stuttgart, 123–132.
- Kuzmin, Yu.N. 2013b: *Aristokratiya Beroi v epokhu ellinizma* [The Aristocracy of Beroia in the Hellenistic Epoch]. Moscow.
- Кузьмин, Ю.Н. *Аристократия Берои в эпоху эллинизма*. Москва.
- Kuzmin, Yu. 2016: Master or Servant? A Relief from the Kašta Hill Area and its Military Iconography. *Anabasis. Studia Classica et Orientalia* 7, 79–90.
- Von Mangoldt, H. 2012: *Makedonische Grabarchitektur. Die Makedonischen Kammergräber und ihre Vorläufer*. Bd. I–II. Tübingen.
- Meloni, P. 1953: *Perseo e la fine della monarchia macedone*. Roma.
- Palagia, O. 2015: Greek Sculpture, Archaic, Classical & Hellenistic: New Findings & Developments 2014–2015. *Archaeological Reports* 61, 104–114.
- Pandermalis, D. 1997: *Dion. The Archaeological Site and the Museum*. Athens.

-
- Paschidis, P. 2006: The Interpenetration of Civic Elites and Court Elite in Macedonia. In: A.M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot (éd.), *Rois, cites, necropoles. Institutions, rites et monuments en Macédoine*. Athens, 251–267.
- Sarikakis, Th.Chr. 1977: Des soldats macédoniens dans l'armée romaine. In: *Ancient Macedonia – II*. Thessaloniki, 431–464.
- Sekunda, N.V. 1994: Classical Warfare. In: J. Boardman (ed.), *The Cambridge Ancient History. Plates to Volumes V & VI*. Cambridge, 167–193.
- Smith, R.R.R. 1991: *Hellenistic Sculpture*. London.
- Stefanidou-Tiveriou, Th. 2011: Art in the Roman Period, 168 BC–337 AD. In: R. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD*. Leiden, 563–584.
- Tataki, A.B. 1988: *Ancient Beroea: Prosopography and Society*. Athens.